

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ И ОБРѢДАХЪ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Нравы и обычаи, вѣрованія и предразсудки жителей Вологодской губерніи, а также народное, пѣсни и поговорки населения русскихъ уѣздовъ ея, представляютъ разнообразный и чрезвычайно богатый материалъ не только для этнографа, но и для историка и филолога.

Къ сожалѣнію, этотъ громадный по своимъ размѣрамъ и драгоценный по содержанию рудникъ почти не початъ еще нашою ученой литературую. Хотя въ Вологодской губерніи и есть недостатка въ досужихъ грамотныхъ людяхъ, которые могли бы, если не разработать, то собрать мечущіяся въ глава скопища, но эти люди до сихъ поръ болѣе, нежели равнодушно относились къ нашему предмету: въ то время когда неофиціальная часть Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей производила описаніями мелкихъ сельскихъ торжковъ, часто только тѣмъ и замѣчательныхъ, что на нихъ продаются по нѣскольку десятковъ пудовъ горохового киселя,— лишь изрѣдка на столбахъ ихъ встречаются замѣтки, касающіяся народнаго быта по большей части вскользь, и еще рѣже—пѣсни. Притомъ авторы замѣтокъ и собиратели пѣсень всегда какъ-то свысока и иронически смотрѣть на все простонародное, а послѣдніе, сверхъ того, позволяютъ себѣ пропаганда пародной поэзіи передѣлывать на свой вкусъ, для чего, въ видахъ литературного благоприличія и провинціалистического патріотизма, выпускаютъ мѣстные слова и обороты, замѣняя ихъ щеголеватыми фразами собственного сочиненія. Одни составители списковъ областныхъ словъ не допускаютъ произвола, но за то впадаютъ въ противоположную крайность: они столь бережно обращаются съ своими материалами, что въ спискахъ ихъ главное мѣсто занимаютъ слова общепротребительныя, съ латинскими объясненіями, значенія ихъ какъ напр. волкъ—lupus, медведь—ursus, мышица—lupa, mensis и т. д.—въ силу того, что возможно произносить ихъ: вовкъ, медвѣдь, мысецъ, и даже безъ всякой удобопонятной причины, какъ напр. слова: молодой, капуста и мн. др.

Однако-же я не имѣю въ виду настоящую моей статьей пополнить столь крупный пробѣлъ въ этнографической литературѣ: я не предлагаю обстоятельного наслѣдованія по какой либо части этнографіи Вологодской губерніи. Цѣль моя — только обратить вниманіе нашего Общества на богатый материалъ

для той науки, носильное служеніе которой составляетъ нашу нравственную обязанность, и притомъ, для оправданія вѣрности моего взгляда на дѣло, сообщить иѣкоторые данные, не лишенныя, какъ мнѣ кажется, и непосредственнаго научнаго интереса.

I.

Я упорно держусь уображенія, что ни одинъ изъ нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсень не содержитъ въ себѣ столь замѣчательныхъ произведеній поэзіи, какъ цѣлыя гнѣзда свадебныхъ пѣсень, причетовъ и припѣвовъ, до сихъ поръ раздающихся въ многочисленныхъ захолустьяхъ Вологодской губерніи. Для доказательства я сдѣлаю извлеченіе изъ помѣщенной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статьи г. Н. Четверухина подъ заглавіемъ: «Янгосарская волость». Хотя эта статья и неволнѣ свободна отъ тѣхъ недостатковъ, на которые я указалъ ранее, говоря вообще о литературныхъ приемахъ сотрудниковъ неофиціальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей по части этнографіи; хотя, какъ будетъ видно изъ самаго извлечения изъ нея, г. Четверухинъ не моръ воздержаться отъ легкаго исправленія слога за писанныхъ имъ пѣсень и причетовъ: но, несмотря на то, онъ не исказилъ дѣла въ существѣ и измѣнилъ лишь немногія малозначительныя слова.

Сватбы въ Янгосарской волости, по словамъ г. Четверухина, начинаются безъ всякихъ особенностей. Задумавъ женить сына, крестьянинъ отправляется къ отцу невѣсты и прямо объявляеть ему о своемъ намѣреніи. Если послѣдній согласенъ на предложеніе, то въ то же время приглашаетъ будущихъ тестя и зятя на смотрины. На смотринахъ ничего особенного не бываетъ: приѣзжихъ угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ — и только, при прощаньи соглашаются, когда отѣваться въ городъ пропивать невѣstu и закупать что нужно для сидѣнья и сватьбы.

Въ девъ сидѣнѣ женникъ съ роднею прѣѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста, но останавливается не у неи въ домѣ; одинъ сватъ, будущій дружка, отирается къ отцу ея. Послѣдній, покончивъ съ дружкою переговоры о приданомъ, приглашаетъ прѣѣзжихъ къ себѣ. По пребытіи ихъ ударяютъ по рукамъ. Этотъ обрядъ называется рукобитьемъ. Здѣсь кон-

чается проза и начинается поэзия.—Какъ скоро уда-
рять по рукамъ, невѣста съ подружками, начинаетъ
такой причетъ:

Что не ключики брякнули,
Не замочки щелкнули:
По рукамъ у насъ ударили!
Что меня родимый батюшко
Запоручилъ молоденьку;
Что закрила родна матушка
Половину свѣта бѣлаго
Такимъ бѣлымъ полотенечкомъ.

Послѣ этого причета невѣstu выводятъ къ жениху и благословляютъ: сперва образомъ, а потомъ хлѣбомъ солью—что называется оброзованье. Потомъ сажаютъ гостей за столъ и угожаютъ на славу. По окончаніи стола мать жениха срываетъ съ головы невѣсты повязку и покрываетъ ее платкомъ. Съ этого времени до княжаго стола невѣста постоянно остается покрытою.

Наканунѣ свѣтѣбы въ домѣ невѣсты бываютъ пла-
куши (дѣвичники). Собираются дѣвицы — подружки
и поютъ пѣсни, начиная съ слѣдующей:

Расшаталася грушенка
Передъ яблонцей стоячи;
Порасплакалася дѣвица
Передъ батюшкой, передъ матушкой:
Государь мой, родный батюшко!
Государыни, моя матушка!
Вамъ нельзя это сдѣлать—
Мою свѣтѣбу отложить?
Ужь, ты дитятко милое,
Наша дочка любезная,
У насъ дѣло это сдѣлано:
По рукамъ ужь мы ударили
И дарами задарили всѣхъ...
Не безчести насъ на старости,
Не порочь нашихъ сѣдыхъ волосъ,
Чтобы люди не смыкались,
Старики не удивлялись:
Моль-де слова не могли сдержать,
Отказали не раздумавшись;
Или послѣ за отказъ съ тобой
Не случилось бы печали злой;
Чтобы ты, наша красавица,
Не досталась мужу—ворогу
И свекрови—людоѣдцѣ.

Послѣ пѣсенъ подружекъ невѣста причитаетъ:

Ужь зачѣмъ я засидѣлася?
На кого я заглядѣлася?
И кого я здѣсь заслушалася?
Я заслушалася младенка
У подружекъ своихъ пѣсенокъ,
У сосѣдокъ своихъ басенокъ.
Всѣ сидѣть ой по прежнему,
Говорить рѣчи по старому;
Только я одна не какъ прежде:
Говорю да забываюсь...
Видно давить меня думушка,
Дума горькая, тѣжелая:
Растягиваю косу русую

Горе злое, печаль лютая!
Вы скажите мнѣ, подруженьки
Отчего все это сдѣлалось?
Не ужели родной батюшко
Не желаетъ счастья дочери?
Иль моя родная матушка
Рада что-ли горю дитятка?
Отдаютъ меня родители
За неровную, за постылую.
Какъ подумаю, отъ думушки
Обольется сердце кровью вдругъ:
Какъ мнѣ будетъ ирвишать младой
Жить съ чужими, незнакомыми?...
И посмотришь—все неладно имъ;
Слово молвишь—имъ не нравится;
На поль ступишь—не какъ слѣдуетъ...
Золотая моя волюшка
Улетѣла въ лѣсъ и скрылася...
Мнѣ въ удѣлъ досталась долюшка,
Доля злая, незавидная!...

Послѣ этого причета подружки отправляются по деревнѣ приглашатьсосѣдей въ баню:

Есть-ли въ теремѣ дядюшка?
Въ высокомъ есть-ли тетушка?
Вы пожалуйте, милие,
Мыться въ баню—теплу парушу!

Сосѣди выносятъ подружкамъ хлѣбъ и деньги.
Получивъ подарки, подружки припѣваютъ:

Не прогнѣвайтесь, родимые:
Не для васъ баня истоплена,
Только честь одна приложена!

Обойдя деревню, подружки ведутъ невѣstu въ ба-
ню, при чёмъ она причитаетъ:

Ты свѣти, младъ свѣтель мѣсяцъ,
Съ вечера да до полуночи,
Съ полуночи до бѣлага дня,
Чтобы мнѣ не обступитися
Во коневое во конитечко:
Не сронить-бы дѣвью красоту!
Ужь и то на русой косѣ
Чуть-чуть она держится...
Оборвется не узнаешь какъ...

Утромъ въ день вѣнчанья невѣста и встаетъ, и умывается, и одѣвается, и молится съ причетами соотвѣтствующими каждому дѣйствію.

Вставая, она причитаетъ:

Ужь я встану молоденка
На ево на ноги рѣзвыи
Посмотрю—мои подруженьки
Всѣ умылись, причесались,
Только мнѣ одной не надобно
Ни воды, ни полотенчика:
Я умоюсь, бѣдна горькая,
Во тоскѣ, слезами горькими!
Я утру не полотенчкомъ,
А руками лицо бѣлое!
Мнѣ ненадо дорогихъ румянъ:
Горе злое наrumянило,

Мнѣ не надо дорогихъ бѣлизы;
Отъ горючихъ слезъ лицо бѣло.

Молясь она причитаетъ:

Ужъ я первый поклонъ положу
За царя благовѣрнаго;
Я второй поклонъ положу
За царицу благовѣрную;
Я третій поклонъ положу
За себя молоденъку,
Чтобы Спасъ меня помиловалъ
На чужой дальней сторонушкѣ.

Одѣваясь, она причитаетъ:

Посмотри, родимый батюшко
И моя родная матушка,
Какъ бѣло я набѣлилась,
Какъ румяно нарумянилась!

Когда раздается въ избѣ: «Ѣдуть, Ѣдуть!» невѣста
глядя въ кутнее окно, во весь голосъ причитаетъ:

Ужъ ты, мой родимый батюшко!
Ты заѣмъ-же молоденъку
Отдаешь въ дальнии сторонушку,
Ко чужому, незнакомому,
Ко чужимъ отцу и матери?...
Видно я-то вамъ, родители,
Досадила, напрокучила,
Видно, я у васъ родители,
Пять сусѣковъ хлѣба выѣла;
Видно, я у васъ, родители,
Весь колодецъ воды выпила

Тутъ входить въ избу дружка съ гостинцами для
невѣсты, и, подавая ихъ ей, править человѣтъ отъ
жениха, говоря: «Господи, Иисусе Христе! Князь ос-
стался въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, на
с зеленомъ на лугу, на шелковой на травѣ, подъ
«краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтымъ мѣсяцемъ.
«Меня послалъ скорымъ посломъ; я летѣль яснымъ
«соколомъ. Князь молодой приказалъ кланяться—не
«сваниться».

Я ранѣе сказалъ, что начальными словами первого
прічета: «Что не ключики брякнули» началась поэзія;
теперь замѣчу, что словами дружки: «Не велѣль ча-
ниться» опять начинается проза.

Какъ ни замѣчательны по своимъ художественнымъ
достоинствамъ записанные г. Четверухина пѣсни
и прічеты, но и по содержанію и по формѣ они
много уступаютъ выписаннымъ нѣкогда мною въ
окрестностяхъ г. Никольска и помѣщеннымъ бывшимъ
учителемъ Вологодской гимназіи Н. И. Иваніцкимъ
въ Москвитянинѣ за 1841 или 1842 годъ. Это не мое
только мнѣніе: редакція Москвитянина также называла
ихъ «драгоценными перлами русской народной поэзіи».
Я не привожу ихъ, потому что они обнародованы въ
болѣе распространенномъ и долговѣчномъ изданіи,
нежели Вологодскія Губернскія Вѣдомости, въ кото-

рыхъ напечатана статья г. Четверухина. Ограничива-
юсь выпиской одной строфы:

Что не рѣчки, не рѣчушки
Въ одно мѣсто сбѣгались,
Не рѣки глубоки
Въ одно мѣсто стекались;
Собирался родъ племечко
У родимаго батюшки
У родимыя матушки...

Какъ сильно чувствуется вѣяніе глубокой славян-
ской старины при чтеніи подобныхъ поэтическихъ
сравненій.

Кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ свадебная пѣсни и прічеты Вологодской губерніи, по мнѣнію моему, на которомъ, впрочемъ, я не сильно настаиваю, замѣчательны и по происхожденію: выраженія «расшаталася грушенька, передъ яблонцой стоячи», заставляютъ думать, что они родились на отдаленномъ югѣ Россіи, такъ какъ янгосарскій крестьянинъ, не имѣя понятія о грушѣ, не могъ употребить такого сравненія. Изъ этого опять вытекаетъ предположеніе, если не убѣжденіе, что они импровизованы были въ глубокой древности. Правда, молитва за благовѣрныхъ Царя и Царицу, какъ будто не допускаетъ подобнаго вывода, но молитва эта можетъ быть позднейшею вставкою въ древнее цѣлое. При томъ она и менѣе поэтична, нежели прочія части его, хотя также проникнута чувствомъ.

II.

Въ той-же статьѣ г. Четверухина встрѣчается извѣстіе, что въ одномъ приходѣ янгосарской волости случаются сватбы по выражению автора, чисто романническія. Онъ называются тамъ *самохотками*: «Люба парню дѣвка, пишетъ г. Четверухинъ, радѣ-бы взять себѣ въ жену; да родители запрещаютъ, не отдаютъ за него. Что дѣлать? На что рѣшаться? Вотъ и задумалъ жениться безъ согласія родителей. Подговаривъ двухъ-трехъ молодыхъ товарищѣй, онъ отправляется къ невѣстѣ для назначенія дня свадьбы. Родители думаютъ, что дочь ихъ на посидѣлкѣ, а она съ это время стоять у брачнаго налоя. Ловкая дѣвка и нарядъ свой также воровски перевезетъ въ домъ своего жениха, а родители и не подумаютъ, что сундуки, стоящи въ чуланѣ съ нарядомъ дочери, пусты. На другой день вдругъ пріѣзжаютъ молодые и просятъ благословить ихъ; побранятся, посердятся, да и простятъ, скажутъ въ утѣшеніе себѣ: «ну, дѣтушки теперь не воротишь: Богъ васъ простить». Послѣ этого благословляютъ своихъ дѣтушекъ и свое согласіе запечатываютъ поцѣлуями».

Это извѣстіе, само по себѣ, отдельно взятое, не имѣть особеннаго значенія, такъ какъ «самохотки»

существовать только въ одномъ приходѣ волости, и поэтому представляются явленіемъ случайнымъ, зависящимъ, быть можетъ, отъ личности одного священника. И дѣйствительно, вдумываясь въ подробности его, я не нахожу здѣсь признаковъ древнаго обычая и именно обрядности.

Совсѣмъ иную обстановку и другое значеніе имѣть похищеніе невѣстъ у Зыранъ. Свѣдѣніе объ этомъ способѣ заключенія брачныхъ союзовъ я уже сообщилъ въ представленномъ мною въ Этнографической Отдѣлѣ Общества Любителей Естествознанія сочиненіи: «Зыранъ и Зыранскій край», но сообщилъ, какъ фактъ, не сопровождая его никакими соображеніями. Теперь-же хочу объ немъ распространиться.

У Зыранъ Яренскаго уѣзда, а, вѣроятно, и Устьы-сольскаго похищеніе невѣстъ производится или, покрайней мѣрѣ, производилось въ 1830 годахъ, какъ сообщилъ мнѣ очевидецъ, такимъ образомъ:

Въ случаѣ взаимной любви бѣднаго молодаго человѣка и богатой дѣвушки, и въ виду несогласія со стороны родителей послѣдней выдать ее за бѣдника, влюбленный, въ игрище, срывается съ невѣсты платокъ и уносить его съ собою. Если дѣвица, въ продолженіе извѣстнаго времени, не просить о возвратѣ отнятаго, то это значитъ, что она согласна, во что бы то ни стало, выйти за похитителя. Послѣ этого влюбленные вѣчаются, разумѣется тайно. Между тѣмъ они пріискиваютъ какого нибудь посредника изъ родныхъ или близкихъ пріятелей родителей невѣсты. — Сватъ — посредникъ, запасшись приличнымъ количествомъ водки, отправляется въ домъ невѣсты. За чаркой онъ уговариваетъ стариковъ выдать дочь за малаго ей парня. Само собой разумѣется, что тѣ сначала и слышать не хотятъ объ этомъ, хотя, безъ сомнѣнія, знаютъ или догадываются о случившемся. Даже и послѣ объявленія свата, что дѣло ужъ сдѣлано, они упрашатся и, только уступая продолжительнымъ убѣжденіямъ, соглашаются простить виноватыхъ. А молодые за дверями уже ждутъ этой минуты, и тотчасъ входять въ избу; падаютъ, какъ водится, въ ноги, и получаютъ благословеніе.

Здѣсь мы уже видимъ обрядность — признакъ древнаго происхожденія обычая.

Я слышалъ также, что еще недавно Зыране невѣстъ покупали, но мнѣ неизвѣстны подробности этого способа заключенія брачныхъ союзовъ. — Надобно замѣтить, что въ Зыранскомъ краю крѣностнаго права никогда не существовало, и слѣдовательно продажа и покупка невѣстъ не могли зависѣть отъ посторонняго произвола и вытекали изъ вправовъ самаго народа.

Итакъ здѣсь встрѣчаются рядомъ два, новидимому существенно противоположные, способа заключенія брачныхъ союзовъ, которые преп. Несторъ приписываетъ разнимъ славянскимъ колѣнамъ. Онъ говоритъ:

«Имаху-бо обычай свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой вравъ. Поляне-бо своихъ отецъ обычай имутъ, кротокъ и тихъ, и стыдѣнъ къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнъ имѣху; брачныи обычай имѣху, не хожаше зять по невѣсту, но приводаху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живаху зверинскимъ образомъ, живуще скотъски, убиваху другъ друга, ядаху вси нечисто, брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. — И Радимичи, и Вятчи, и Сѣверъ одинъ обычай имаху: живаху въ лѣсѣ, акоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто; срамословье въ нихъ предъ отыци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межу селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовъская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею-же кто съ вѣщающеся; имаху-же по двѣ и по три жены» *).

Обычай умыканья невѣстъ, существующій или недавно существовавшій у Зыранъ, подробностями своими объясняетъ и пополняетъ сказавіе Нестора. Лѣтописецъ, упоминая о соглашеніи жениха в невѣсты на игрищахъ, ограничивается выраженіемъ: «съ нею-же кто совѣщающеся»; мы-же теперь видимъ, въ какой символической формѣ выражалось такое соглашеніе. Можетъ быть въ древности отнимался у дѣвицы не платокъ, а какая нибудь другая принадлежность дѣвичаго наряда; но это частность.

Профессоръ С. М. Соловьевъ, по обыкновенію, мѣтко взглянувъ на приведенное сейчасъ лѣтописное памятствіе и, объясняя его, весьма близко подошелъ къ истинѣ: по его мнѣнію, и умыканье невѣстъ, какъ у Древлянъ, Радимичей, Вятчей и Сѣверянъ, и бракъ, по соглашенію между родителями жениха и невѣсты съ платою «вѣна», какъ у Полянъ, — вытекаютъ изъ родового быта, изъ хозяйственной замкнутости родовъ тогдашихъ Славянъ. Онъ успокаивается, останавливаясь на такомъ выводѣ, который мирить логику съ авторитетомъ Нестора. Но почтенный профессоръ, преслѣдуя богатую по своимъ послѣдствіямъ мысль и конечно, не имѣя въ виду сообщаемыхъ мною теперь данныхъ, свидѣтельствующихъ о совѣстномъ уществованіи умыканья и вѣна, просмотрѣ логическую непослѣдовательность нашего правдиваго, но простодушнаго лѣтописца. — Для меня теперь ясно, что умыканье есть необходимое послѣдствіе вѣна, что то и другое, какъ въ послѣднее время встрѣчаются у Зыранъ, въ Яигосарской волости и, вѣроятно, еще гдѣ нибудь, такъ и во времена Нестора и ранѣе существовали одно рядомъ съ другимъ — и у Полянъ, и у Древлянъ и т. д., только можетъ быть въ неразномѣрныхъ сочетаніяхъ. Я думаю, что профессоръ Со-

*) Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. Томъ I стр. 6.

ловъевъ вполнѣ овладѣлъ бы истиной, еслибы, не трогая въ существѣ своего взгляда на родовой быть нашихъ предковъ и не выходя изъ вѣрно очерченаго имъ круга, согласился съ тѣмъ, что бракъ съ вѣномъ есть бракъ по разсчету, а умыканье—бракъ по страсти.

Я сообщилъ лишь немногіе факты для оправданія

своего убѣжденія въ томъ, что свадебные обряды и пѣсни Вологодской губерніи заслуживаютъ внимательнаго изученія. Конечно, эти факты, сами по себѣ, не великая находка; но они даютъ возможность по малой частицѣ сдѣлать заключеніе объ огромномъ цѣломъ, не грѣша противъ логики, такъ какъ я не дѣлалъ выбора, а взялъ только то, что прежде все-го подсказала мнѣ память.

ЗАСѢДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

(4 октября 1871 года).

Засѣданіе происходило въ залѣ Минералогическаго Кабинета при Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Попова въ присутствіи 12 членовъ и нѣсколькихъ стороннихъ лвцъ.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ прошедшаго засѣданія.
2. Предсѣдатель заявилъ, что въ истекшемъ году невозможно было приступить къ печатанію «Сборника» Латышскихъ пѣсень, отчасти вслѣдствіе постоянно прибывавшихъ въ Отдѣлъ новыхъ материаловъ, а отчасти вслѣдствіе того, что издатель «Сборника», почетный членъ Общества В. А. Дашковъ, вознѣмѣль намѣреніе приложить къ нему 6 хромолитографическихъ рисунковъ, изображающихъ слѣдующія взѣ находящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ музѣѣ группы: Латышъ и Латышка изъ Люцинскаго уѣзда Витебской губерніи, Финъ изъ Яскинскаго прихода Выборгской губерніи и Финка изъ прихода Сентъ-Андре, Зырянинъ Охотникъ изъ Вологодской губерніи Устьысолъского округа Печерской волости, Казанская Татарка, слушающая гадальщицу Черемишкую (дѣвшку) изъ Нижегородской губерніи, Карапиъ старицъ и Карапимка дѣвшка изъ Бессарабской области, Граничаръ изъ Хорватской Военной Границы. Исполненіе этихъ рисунковъ приняло на себя Московское заведеніе Баумана, но потребовало для сего весьма продолжительный срокъ. Что касается текста Латышскихъ пѣсень, предназначенныхъ для «Сборника», и русскаго перевода ихъ, то они уже давно готовы. Имѣя въ виду преимущественно русскую публику ея справедливыя требованія и удобства, издатели рѣшились печатать латышскій текстъ пѣсень русскими буквами. Разумѣется, что, при изображеніи звуковыхъ различій и особенностей латышскаго языка алфавитными знаками языка русскаго, пришлося въ

нѣкоторыхъ случаяхъ довольствоваться лишь приблизительной точностью, а въ другихъ вовсе отказываться отъ употребленія новыхъ зваковъ. Въ «Сборникѣ» войдутъ слѣдующіе двѣнадцать отдѣловъ народныхъ латышскихъ пѣсень: а) пѣсень о пѣнѣ 39, б) мнеческихъ пѣсень 125, в) пѣсень о созерцаніи природы 180, г) любовныхъ пѣсень 140, д) свадебныхъ пѣсень 112, е) насмѣшливыхъ пѣсень 102, ж) нравоучительныхъ пѣсень 182, з) жалобныхъ пѣсень 123, и) военныхъ пѣсень 47, и) застольныхъ пѣсень 8, к) колыбельныхъ и крестьянскихъ пѣсень 40, л) дѣтскихъ пѣсень 22; всего тысяча сто пѣсень. Объяснительный замѣчанія къ нѣкоторымъ пѣснямъ еще некончены; во вообще къ изданію можно приступить тотчасъ же. Первую и третью корректуры будетъ держать Ф. Я. Трейландъ; вторую принимаетъ за себя предсѣдатель Отдѣла. Опредѣлено: выразить Ф. Я. Трейланду благодарность Отдѣла за его труды, по собиранию и обработкѣ материаловъ для этнографического изученія Латышскаго именіи, и просить Н. А. Попова принять за себя окончательную редакцію «Сборника».

3. Н. ч. Н. Г. Керцелли прочелъ свою статью подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о Мезенскихъ Самоѣдахъ». Опредѣлено: напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколу настоящаго засѣданія.

4. Предсѣдатель прочелъ описание сельскихъ обычаевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи, составленное крестьяниномъ той же губерніи и того же уѣзда, деревни Потуровки, Стенаномъ Артемовымъ Дударевымъ. Опредѣлено: напечатать его въ тѣхъ же приложеніяхъ.

5. Предсѣдатель представилъ краткій отчетъ о дѣятельности Отдѣла за истекшій годъ. Опредѣлено: внести его въ годичное засѣданіе Общества.